Niestuchowskij M-cz w Rossii.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ II

1880

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1880

Fundacji L... J. J. Michalskich
Ze zbiorów

МИЦКЕВИЧЪ ВЪ РОССІИ.

II.

Москва и Петербургъ [1]).

ВЪ КОНЦѢ августа 1824 года окончилось судебное слѣдствіе надъ членами тайнаго общества Филаретовъ.

По приговору слѣдственной коммиссіи Мицкевичъ былъ отправленъ въ Петербургъ къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, который, согласно съ выраженной поэтомъ просьбой—служить въ Одессѣ при Ришельевскомъ лицеѣ, отправилъ его къ попечителю лицея, снабдивъ пособіемъ и прогонами. Мицкевичъ пріѣхалъ въ Одессу въ февралѣ мѣсяцѣ 1825 года. Во время своего десятимѣсячнаго пребыванія въ Одессѣ онъ посѣтилъ Крымъ и воспѣлъ красоты Тавриды въ „Крымскихъ сонетахъ".

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій объ образѣ жизни и положеніи Мицкевича въ Одессѣ, равно какъ и о лицахъ, его окружавшихъ; извѣстно только, что поэтъ былъ дружески принятъ въ домѣ Залѣсской, которой посвятилъ свою поэму „Конрадъ Валенродъ", задуманную и начатую имъ въ Одессѣ, оконченную-же въ Москвѣ. Самъ Мицкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ коротко, что жилъ въ Одессѣ „какъ паша".

Скоро дальнѣйшее пребываніе Мицкевича въ Одессѣ было признано почему-то неудобнымъ, но ему предоставили свободный выборъ мѣста жительства внутри Россіи. Онъ избралъ Москву, и, получивъ отъ щедротъ государя пособіе, отправился туда въ декабрѣ 1825 года и былъ причисленъ къ канцеляріи генералъ-губернатора князя Голицына. Первыя минуты жизни въ столицѣ для Мицкевича, не имѣвшаго никакихъ знакомствъ, были однообразны и скучны. Вотъ какъ

[1]) Окончаніе. См. № 4 „Историческаго Вѣстника".

самъ онъ описываетъ свою московскую жизнь въ письмѣ отъ 9 іюня 1826 года, адресованномъ въ Оренбургъ:

„Съ декабря, какъ вамъ извѣстно, я въ Москвѣ; здоровъ совершенно, одни лишь глаза меня безпокоятъ; живу вмѣстѣ съ Малевскимъ и Будревичемъ; у насъ свой столъ довольно хорошій, мы прозябаемъ изрядно, книги въ рукахъ бываютъ рѣдко, а почти всегда идетъ бесѣда. У насъ нѣтъ никакихъ знакомыхъ, и другаго общества, кромѣ собственнаго, не имѣемъ. Будревичъ цѣлый день куритъ трубку, по вечерамъ смотритъ на свѣчу, всегда готовъ играть въ шахматы, а иногда заглядываетъ въ математическую книгу. Я мало отличаюсь отъ товарища по образу жизни наружно и внутренно. Послѣ выѣзда изъ Одессы, гдѣ я жилъ какъ паша, муза моя облѣнилась, я не могу кончить Валенрода, не знаю, какую пріобрѣту славу, но важнѣе всего то, что могу поправить свои финансы; до сихъ поръ и въ этомъ отношеніи я кое-какъ изворачиваюсь и могу даже послать вамъ не одинъ десятокъ рублей“.

Вслѣдъ затѣмъ Мицкевича постигла тяжкая болѣзнь; оправившись отъ нея, онъ пишетъ въ Казань Ковалевскому:

„Едва поправляюсь отъ болѣзни и до сихъ поръ принимаю лѣкарства; къ обычной лѣни присоединилась слабость и отсутствіе аппетита. Не могу не посовѣтовать тебѣ—не изнуряй здоровья излишнимъ трудомъ, лучше живи по моему: курю трубку, играю въ шахматы, или веду пріятельскую бесѣду“.

Эти письма были писаны послѣ шестимѣсячнаго пребыванія Мицкевича въ Москвѣ. Онѣ безъ всякихъ объясненій лучше всего рисуютъ душевное состояніе поэта сравнительно съ его настроеніемъ во время пребыванія въ Ковно. Черезъ нѣсколько времени въ одной изъ московскихъ типографій были напечатаны его сонеты.

„Вотъ необыкновенное явленіе—писалъ по поводу появленія этого изданія князь Вяземскій.—Изящное произведеніе одного изъ первоклассныхъ поэтовъ Польши напечатано въ Москвѣ, гдѣ, можетъ быть, не болѣе десяти читателей въ состояніи узнать ему цѣну. Москва почти необитаемый островъ для польскаго поэта. Нельзя не подивиться и не пожалѣть, что Польская литература такъ мало у насъ извѣстна. Журналамъ польскимъ и русскимъ предоставлена обязанность изготовить предварительныя мѣры семейнаго сближенія. Радуюсь, что мнѣ выпалъ счастливый жребій запечатлѣть одинъ изъ первыхъ шаговъ къ сей желаемой цѣли ознакомленіемъ русскихъ читателей съ сонетами Мицкевича, которые, безъ сомнѣнія, поведутъ къ дальнѣйшему знакомству, еслибы Мицкевичъ былъ побуждаемъ равнымъ желаніемъ способствовать къ этому соединенію“.

Задушевная искренность Вяземскаго, съ которою онъ обращается къ Мицкевичу, была выраженіемъ его внутренняго убѣжденія о роли, къ которой сама судьба призывала Мицкевича, забросивъ его въ среду русскихъ. Лестный отзывъ Вяземскаго о поэтическихъ достоин-

ствахъ произведеній Мицкевича и переводъ его сонетовъ сдѣлалъ имя Мицкевича извѣстнымъ Москвѣ и открылъ ему входъ въ лучшія московскія гостинныя. Сблизившись съ Русскимъ обществомъ, Мицкевичъ сталъ другимъ человѣкомъ, нежели мы его видѣли въ Ковно. Одинъ изъ московичей, близко знавшій Мицкевича во время его пребыванія въ Москвѣ, пишетъ слѣдующее:

„Мицкевичъ радушно былъ принятъ въ Москвѣ. Она видѣла въ немъ подпавшаго дѣйствію административной, мѣры, ни мало не заботясь о поводѣ, вызвавшемъ эту мѣру; въ это время не существовало еще такъ названнаго Польскаго вопроса. Все располагало къ нему общество; онъ былъ уменъ, благовоспитанъ, одушевленъ въ разговорахъ, обхожденія утонченно вѣжливаго, держался просто, не корчилъ изъ себя политической жертвы, въ немъ не было ни слѣда польской заносчивости, ни обрядной уничижительности. При оттѣнкѣ меланхолическаго выраженія въ лицѣ, онъ былъ веселъ, остроуменъ, мѣтокъ въ словахъ и выраженіяхъ, говорилъ хорошо по русски".

Въ Москвѣ и Петербургѣ Мицкевичъ составилъ себѣ обширный кругъ знакомыхъ и особенно близокъ былъ съ кружкомъ литераторовъ. Изъ писемъ Одынца видно, что Мицкевичъ въ письмахъ своихъ къ нему изъ Москвы и Петербурга сообщалъ много подробностей о своихъ отношеніяхъ къ русскимъ литераторамъ, но никогда ни слова не писалъ о своихъ успѣхахъ и почетѣ, которыми пользовался среди ихъ.

Къ сожалѣнію эти письма къ Одынцу до сихъ поръ не напечатаны. Тѣсный литературный кругъ, къ которому принадлежалъ Мицкевичъ, составляли въ Москвѣ: Баратынскій, Кирѣевскій, Елагинъ, Хомяковъ, Полевой, Шевыревъ, Соболевскій, Погодинъ и пр.; въ Петербургѣ: Вяземскій, Жуковскій, Козловъ и Пушкинъ.

Въ Москвѣ домъ княгини Зинаиды Волконской былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ замѣчательныхъ личностей современнаго общества. Представители большаго свѣта, сановники и красавицы, молодежь, люди зрѣлые, профессора, художники, артисты, поэты,—словомъ все, что носило печать служенія искусству или мысли, сосредоточивалось въ домѣ княгини. Въ ея домѣ происходили чтенія, концерты, спектакли. Сама княгиня при красотѣ и любезности обладала прекраснымъ контръ-альтомъ. Мицкевичъ былъ усерднымъ посѣтителемъ салона княгини. Сожитель и товарищъ его въ Москвѣ пишетъ одному изъ своихъ друзей: „Княгиня Волконская это—настоящій, воплощенный ангелъ доброты; а какъ прекрасно, какъ тепло въ ея домѣ; на лѣстницѣ дома княгини теплѣе, нежели у насъ въ комнатѣ при каминѣ." Мицкевичъ питалъ какое-то благоговѣйное чувство къ княгинѣ; оно ясно высказалось въ стихахъ, въ которыхъ поэтъ описываетъ одну изъ комнатъ княгини, украшенную произведеніями греческаго искусства, а также въ посвященіи при поднесеніи ей „Крымскихъ сонетовъ" и при встрѣчѣ съ нею за-границею. Это не была любовь въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но какое-то нѣжное чувство, которое

можетъ питать лишь человѣкъ съ поэтическимъ настроеніемъ къ прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ женщинѣ. Это любовь мужчины къ женщинѣ, но пропущенная сквозь призму поэзіи.

Мицкевичь истинно античною кистью описалъ комнату княгини, носившую названіе греческой.

„Среди остатковъ греческаго искусства, подвергшагося вліянію разрушительнаго времени, уцѣлѣлъ ликъ Сатурна и на коринѳской урнѣ виднѣются признаки воскресающаго генія Эллады. Этотъ воскресающій геній народа озаряетъ дремлющихъ боговъ и чело прекраснѣйшей изъ нимфъ, хозяйки дома—указывающей поэту путь.

„О! пусть, восклицаетъ поэтъ, всѣ эти божества мирно покоятся подъ бронзовымъ и каменнымъ покровомъ, но пусть только пробудитъ въ тебѣ, о прекрасная нимфа, чувства богъ любви, который улетѣлъ изъ лона Афродиты и сладко сосетъ грудь винограда. О прекрасная нимфа! принесемъ общую жертву этому божеству! Но увы! Она холоднымъ взоромъ, какъ жезломъ Меркурія, поражаетъ мои помыслы, и духъ мой, стремившійся въ страну блаженства, прогоняетъ безжалостно въ міръ дѣйствительности, міръ безнадежныхъ желаній. Что же скажу, очутившись въ немъ? Скажу, что видѣлъ рай, былъ близокъ къ нему, но увы, испыталъ лишь одинъ мигъ блаженства и счастья“.

Поэтъ, подносяя княгинѣ „Крымскіе сонеты“, обращается къ ней въ стихахъ на Французскомъ языкѣ. Въ этомъ обращеніи онъ завидуетъ живописцу, который не имѣетъ нужды облекать свои чувства въ родную ему, но чуждую другимъ рѣчь, слова которой подобно узникамъ смотрятъ изъ-за желѣзной рѣшотки, скрывающей ихъ лица и искажающей ихъ черты.

Поэтъ слова завидуетъ пѣвцу, который силою одного звука говоритъ понятно и проникаетъ въ душу, „между тѣмъ какъ мои чувства, говоритъ поэтъ, облекаясь въ непонятныя ей слова, уподобляются подземнымъ потокамъ, которыхъ шумъ никому не слышенъ. О, неблагодарная поэзія! Я создавалъ стихи, и подношу одни печатные листы. Она увидитъ непонятныя ей знаки — ноты для музыки, которая, увы, никогда не будетъ исполнена!“

Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, съ которыми такъ желательно было познакомиться Одынцу, не было въ Петербургѣ, когда другъ Мицкевича прибылъ въ столицу. Всѣ трое, по словамъ Одынца, принадлежали къ самымъ близкимъ друзьямъ Мицкевича, и онъ самъ, прибавляетъ Одынецъ, питаетъ къ нимъ сердечную привязанность.

Много ходило легендъ о знакомствѣ Пушкина съ Мицкевичемъ. Объяснить это не трудно. На славянскомъ горизонтѣ явились одновременно два свѣтила, которыя ярко освѣтили не только родной горизонтъ, но обратили на себя вниманіе просвѣщеннаго Запада.

Оба общества: Русское и Польское, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за двумя поэтами съ чувствомъ восторга и гордости. Судьба вела эти двѣ великія личности ко взаимному сближенію; въ ихъ сбли-

женіи выражалась какъ-бы воля судьбы, ведущая два соплеменные народа къ тѣсному сближенію. Исторія политическихъ столкновеній сказала уже свое послѣднее слово; народная мысль стремилась высказаться въ словѣ двухъ представителей народной мысли и воли. И это было близко и возможно! Въ судьбѣ обоихъ поэтовъ было много общаго и схожаго. Оба они подвергались ссылкѣ и какъ-бы искали другъ друга. Почти въ одно время посѣтили они югъ Россіи. Красоты южной природы благотворно повліяли на каждаго изъ нихъ: явились „Крымскіе сонеты", „Цыгане" и „Бахчисарайскій фонтанъ". Съ юга оба поэта спѣшили въ Москву и Петербургъ и здѣсь оба сблизились между собою узами искренней дружбы. Инстинктивно всѣ ждали стройной пѣсни двухъ пѣвцовъ народныхъ, возвѣщающей дружбу, любовь и братство, но, увы, не суждено было услышать славянскому міру этой пѣсни, за исключеніемъ пѣсни Пушкина: „Клеветникамъ Россіи!" При такомъ настроеніи народнаго ума всегда создаются легенды. Одна изъ нихъ, облеченная въ двустишіе о тузѣ и козырной двойкѣ, принадлежитъ къ самымъ неудачнымъ произведеніямъ народнаго творчества, приличнымъ, по выраженію Дубровскаго, скорѣе двумъ армейскимъ, а не великимъ славянскимъ поэтамъ. Легенда о первой встрѣчѣ Пушкина съ Мицкевичемъ у Собанской, которую приводитъ нѣкто Цыпринусъ, рекомендуя себя въ свидѣтели, лишена всякаго смысла и основанія. Она не согласна съ умомъ, принципами и образованіемъ Мицкевича, и притомъ кому же не извѣстно, что Пушкинъ изучалъ Англійскій языкъ въ лицеѣ и занимался Англійскою литературою въ Крыму, а вовсе не приступилъ къ изученію ихъ по совѣту Мицкевича, какъ пишетъ Цыпринусъ.

Существуетъ разсказъ, который мнѣ самому приходилось слышать въ Кіевѣ и Харьковѣ и который повторяется до сихъ поръ, что Мицкевичь будто бы вызвалъ на дуэль Дантеса, направившаго пулю въ сердце русскаго поэта и друга.

Эта легенда ясно и вѣрно рисуетъ отношенія двухъ великихъ поэтовъ.

О времени перваго знакомства Пушкина съ Мицкевичемъ мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ это знакомство не могло состояться въ 1824 году, и два поэта не могли въ этотъ годъ укрываться подъ однимъ и тѣмъ же плащемъ отъ дождя наканунѣ наводненія въ Петербургѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Плащъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ сшитъ Мицкевичемъ во время его пребыванія въ Одессѣ въ 1825 году. Въ 1824 г. Мицкевичь дѣйствительно былъ въ Петербургѣ, но Пушкинъ оставилъ Петербургъ въ маѣ 1820 г., отправился на югъ Россіи и 1823 г. жилъ еще въ Одессѣ, затѣмъ переѣхалъ въ родовое имѣніе Псковской губерніи и въ сентябрѣ 1826 г. прибылъ въ Москву, въ которой провелъ зиму, предаваясь свѣтскимъ удовольствіямъ, которыми кипѣла тогда Москва по случаю пребыванія въ ней двора послѣ коронаціи. Въ 1828 г. Миц-

кевичъ на время пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы и писалъ одному изъ пріятелей: „Я познакомился въ Петербургѣ съ Жуковскимъ, Козловымъ и другими литераторами“; но ничего не говоритъ о Пушкинѣ, вѣроятно потому, что съ нимъ былъ уже знакомъ прежде, иначе трудно предположить, чтобы онъ не упомянулъ о Пушкинѣ, когда говоритъ о Жуковскомъ и Козловѣ. Соображая всѣ данныя, можно заключить, что знакомство двухъ поэтовъ состоялось въ Москвѣ въ 1826 г., когда оба они жили въ Москвѣ и усердно посѣщали общество и салонъ княгини Зинаиды Волконской. Въ письмѣ Одынца встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Москвѣ литераторы давали обѣдъ въ честь Пушкина, въ немъ принималъ участіе Мицкевичъ и импровизировалъ на доставшуюся ему по жребію тему. Несомнѣнно, что это и была первая минута личнаго знакомства поэтовъ; минута же болѣе тѣснаго ихъ сближенія относится къ позднѣйшему времени, когда оба жили вмѣстѣ въ Петербургѣ и уже пользовались славою великихъ поэтовъ среди соотечественниковъ и за-границею. Въ это именно время Мицкевичъ и прикрылъ Пушкина своимъ плащемъ отъ дождя у памятника Петра I, о чемъ говоритъ самъ въ своемъ стихотвореніи:

„Однажды вечеромъ двое юношей укрывались отъ дождя рука въ руку подъ однимъ плащемъ. Одинъ изъ нихъ былъ пришелецъ съ Запада, другой пѣвецъ Русскаго народа, славный пѣснями своими на всемъ Сѣверѣ. Знали они другъ друга съ недавняго времени, но знали коротко и были уже нѣсколько дней друзьями. Ихъ души, возносясь надъ всѣми земными препятствіями, походили на двѣ альпійскія скалы, которыя хотя силою потока раздѣлены на вѣки, но преклоняются другъ къ другу своими вершинами, не внимая ропоту враждебной имъ волны“.

Какія чувства питалъ Пушкинъ къ Мицкевичу, лучше всего видимъ изъ его стиховъ, когда Мицкевичъ, сдѣлавшись эмигрантомъ, изливалъ злобу на Русскій ничѣмъ неповинный народъ.

„Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями. (Онъ вдохновленъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ и нынѣ
Въ своихъ стихахъ—угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека

Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ! О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу"!

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ импровизаціяхъ Мицкевича, которыми онъ увлекалъ своихъ столичныхъ друзей и въ чемъ являлся неподражаемымъ геніемъ. Имя его, какъ поэта, было извѣстно кружку отчасти въ подлинникѣ, отчасти въ переводахъ, но всеобщій восторгъ возбуждалъ поэтъ своими импровизаціями. Не разъ дебютировалъ Мицкевичь въ этой роли въ Петербургѣ и Москвѣ и еще ранѣе на родинѣ. Къ сожалѣнію всѣ эти импровизаціи на вѣки утрачены за исключеніемъ импровизаціи къ Александру Ходзько. Она достаточно свидѣтельствуетъ о дарованіяхъ поэта, неимѣющаго въ этомъ родѣ себѣ соперника.

Всѣ эти импровизаціи въ столицѣ произносились на Французскомъ языкѣ, причемъ не видно, чтобы поэтъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти въ томъ, что обращается къ друзьямъ на чуждомъ имъ языкѣ; точно также и кружокъ не чувствовалъ упрека, что не понималъ роднаго языка поэта,—такъ еще слабо сознавалась потребность сближенія славянъ между собою при помощи роднаго слова. Козловъ зналъ по польски, Мицкевичь и Одынецъ знали по русски, однакоже вели разговоръ между собою по французски.

По свидѣтельству Одынца, въ минуту импровизаціи Мицкевичь былъ восхитителенъ: глаза его горѣли, голосъ проникалъ въ душу слушателей и потрясалъ ее, мысль облекалась въ стройные стихи. Въ Москвѣ на обѣдѣ, данномъ въ честь Пушкина, предложено было нѣсколько темъ въ свернутыхъ бумажкахъ. Мицкевичу по жребію досталась тема: „Смерть константинопольскаго патріарха, убитаго турецкою черныо, котораго тѣло было брошено въ море и всплыло около Одессы". Поэтъ простоялъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, сосредоточился, затѣмъ сталъ импровизировать.

Пушкинъ, глубоко потрясенный этимъ огнедышащимъ изверженіемъ поэзіи, былъ въ восторгѣ. Одинъ изъ свидѣтелей импровизаціи передавалъ Одынцу, что Пушкинъ, восхищенный, соскочилъ съ мѣста, волосы на головѣ его поднялись, и онъ, бѣгая по комнатѣ, кричалъ: „Quel génie, quel feu sacré, que suis-je auprés de lui", затѣмъ обнялъ Мицкевича и осыпалъ его поцѣлуями. Съ этого вечера, замѣчаетъ Одынецъ, началась тѣсная дружба между поэтами.

Пока не будутъ напечатаны письма Мицкевича изъ Петербурга и Москвы къ Одынцу—человѣку самому близкому къ поэту, до тѣхъ поръ мы не будемъ знать всѣхъ подробностей о жизни его въ столицахъ, и объ отношеніяхъ къ русскимъ литераторамъ и взаимномъ обмѣнѣ ихъ мыслей, чувствъ и понятій; теперь приходится довольствоваться лишь отрывочными свѣдѣніями.

Мнѣніе Мицкевича о Пушкинѣ, какъ поэтѣ и человѣкѣ, встрѣчаемъ въ посмертныхъ его сочиненіяхъ. Во французскомъ журналѣ

„Globe" 25-го мая 1837 года была помѣщена статья о Пушкинѣ съ подписью: „Un ami de Pouchkine"; теперь, когда напечатаны посмертныя сочиненія Мицкевича, видно, что авторъ статьи—этотъ другъ Пушкина, былъ некто иной, какъ Адамъ Мицкевичъ.

Приведемъ въ сокращеніи эту любопытную во многихъ отношеніяхъ статью:

„Пушкинъ, поэтическій талантъ котораго удивлялъ читателя, увлекалъ слушателей живостью, ясностью и тонкостью ума, былъ одаренъ необыкновенною памятью, сужденіемъ вѣрнымъ, вкусомъ утонченнымъ и превосходнымъ. Когда говорилъ онъ о политикѣ внѣшней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человѣка опытнаго въ государственныхъ дѣлахъ и пропитаннаго ежедневнымъ чтеніемъ парламентскихъ преній. Я довольно близко и довольно долго зналъ русскаго поэта, находилъ въ немъ характеръ слишкомъ впечатлительный, а иногда даже легкомысленный, но всегда искренній, благородный и способный къ сердечнымъ изліяніямъ".

Писатели въ Россіи, по словамъ Мицкевича, образуютъ родъ братства, соединеннаго многими связями. Талантъ у нихъ не сдѣлался еще товаромъ, а потому рѣдко встрѣчается между ними ремесленное совмѣстничество и вражда интересовъ. Они собирались вмѣстѣ, видѣлись почти ежедневно, веселились и бесѣдовали. Политическія броженія встревожили правительство, и Пушкинъ былъ сосланъ. Императоръ Николай I возвратилъ Пушкина изъ ссылки, назначилъ ему аудіенцію, имѣлъ съ поэтомъ продолжительный разговоръ, отнесся къ нему и къ его поэзіи съ сочувствіемъ, ободрялъ его продолжать поэтическія занятія и освободилъ отъ оффиціальной цензуры. Императоръ въ этомъ случаѣ явилъ необыкновенную проницательность. Онъ умѣлъ оцѣнить поэта, онъ угадалъ, что Пушкинъ по своему уму не употребитъ во зло оказанной ему довѣренности, а въ душѣ своей сохранитъ признательность за оказанную милость.

„Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, продолжаетъ Мицкевичъ, Пушкинъ находился подъ вліяніемъ Байрона, но онъ явился не столько подражателемъ англійскаго поэта, сколько былъ порабощенъ силою его генія. Вслѣдъ за первыми произведеніями, написанными подъ вліяніемъ Байрона, написаны поэмы: „Цыгане" и „Полтава"—творенія замѣчательныя, которыя свидѣтельствуютъ о постепенномъ ростѣ таланта Пушкина. Содержаніе ихъ немногосложно и неизысканно, характеры лицъ постигнуты и обрисованы твердою рукою. Въ Онегинѣ Пушкинъ въ первыхъ пѣсняхъ еще подчинявшійся вліянію Байрона, скоро затѣмъ пытается идти съ помощію собственныхъ силъ и кончаетъ тѣмъ, что дѣлается вполнѣ оригинальнымъ и самостоятельнымъ.

„Въ драмѣ „Борисъ Годуновъ" находятся сцены изумительной красоты; особенно прологъ кажется мнѣ столь самобытнымъ и величественнымъ, что, не обинуясь, признаю его единственнымъ въ своемъ

родѣ. Пушкинъ сдѣлалъ опытъ драмы и доказалъ: Tu Schakespeare eris, si fata Sinant.

Пушкину исполнилось 30 лѣтъ, когда онъ бросилъ романы и журналы, вслушивался въ народныя былины, пѣсни, изучалъ отечественную исторію, пускалъ корни въ народную почву, сталъ обращать вниманіе на вопросы религіозные и общественные. Я ожидалъ, что Пушкинъ скоро явится въ полномъ могуществѣ своего дарованія. Всѣ знавшіе его дѣлили со мною эти надежды и желанія; выстрѣлъ уничтожилъ всѣ наши ожиданія; пуля, сразившая Пушкина, нанесла ужасный ударъ всей мыслящей Россіи".

5-го января 1827 г. Мицкевичъ пишетъ въ Оренбургъ, и изъ тона этого письма видно, что онъ отвѣчаетъ на упреки Зана, который былъ встревоженъ образомъ жизни поэта въ Москвѣ. Мицкевичъ, между прочимъ, говоритъ:

„Честь и слава тебѣ, что ты тверже другихъ переносишь ниспосланныя на тебя испытанія; довольствуешься обѣдами Курція, и замкнувшись въ самого себя, считаешь себя счастливымъ. Все это хорошо, но я полагаю, что лучше было бы, если можно, отказаться отъ подобнаго рода жизни. Совѣтую, если приглашаютъ тебя на обѣдъ, или самъ безъ церемоніи и нарушенія приличія имѣешь право явиться, то и отправляйся съ Богомъ и кушай во здравіе. Хорошій обѣдъ подкрѣпитъ силы, а сбереженныя отъ стола деньги отдай нуждающемуся или купи на нихъ книгъ или табаку. Право полезно провести время за хорошимъ обѣдомъ, съ хорошими людьми — и время пріятно проведешь и сбережешь здоровье, которое у тебя такъ слабо. Я на себѣ испыталъ, что съиграть въ бостонъ дѣло хорошее; въ игрѣ математическія соображенія охлаждаютъ фантазію и до того овладѣваютъ вниманіемъ, что во снѣ только и видишь, что трефы, бубны и пики. Лучше видѣть во снѣ ихъ, чѣмъ тѣ сны, которые выжимаютъ слезы и заставляютъ человѣка страдать безъ всякой причины. Сочинять, дѣло хорошее, но для этого нужно непринужденное желаніе, ибо сочинять не все равно, что шить сапоги, и припуждать себя въ этомъ случаѣ никогда не слѣдуетъ. Я писалъ, когда обстоятельства благопріятствовали музѣ, а теперь предаюсь лѣни.

„У меня много знакомыхъ, одни удостоиваютъ меня вниманіемъ, другіе — дружбою; я плачу имъ взаимностію, ибо проклятъ тотъ, кто остается въ долгу и не платитъ взаимностію; извини, что привожу слова изъ моей поэмы. Бываю въ здѣшнихъ салонахъ, но въ нихъ не играю видной роли, не потому, чтобы не желалъ, а потому, что не умѣю. Еслибъ я умѣлъ хорошо или кое-какъ танцовать, былъ бы этимъ очень доволенъ, а еще болѣе былъ бы доволенъ, еслибы зналъ музыку, еще болѣе еслибы могъ пѣть. Отпускать комплименты иногда кое какъ удается и усовершенствоваться въ этомъ постараюсь. Скажу откровенно, можно плясать, играть, пѣть, быть любезнымъ и въ то же время оставаться дѣльнымъ человѣкомъ, не дѣлаясь пустымъ франтомъ и хва-

томъ. Безспорно, перенесись я въ нашу Литву, можетъ быть, какъ натянутая пружина, вернулся бы къ исходной точкѣ, и еслибы не было никакихъ дѣйствительныхъ непріятностей извнѣ, я бы отыскалъ ихъ въ самомъ себѣ. Я былъ веселъ въ стѣнахъ отцовъ Базильянцевъ, спокойнымъ и почти умницею сдѣлался лишь въ Москвѣ. Что касается подарковъ, то вспомни, что я принялъ подарокъ въ нѣсколько сотъ рублей въ Вильнѣ отъ извѣстнаго князя, и этотъ подарокъ не для меня одного пригодился. Въ настоящее время, еслибы какой либо милліонеръ, притомъ землякъ или другъ, предложилъ мнѣ сто рублей, я бы не усомнился принять и раздѣлилъ бы между нуждающимися. Правда, что безъ разсчета расходую деньги, но когда имѣю въ карманѣ грошъ, каждый изъ друзей можетъ разсчитывать на три четверти моего капитала. Не думай, что сержусь за твои обо мнѣ предположенія и дѣлаемые изъ нихъ выводы; я прочиталъ твое письмо съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ сынъ слушаетъ наставленія отца-старика, немного воркуна, находящагося въ дурномъ настроеніи духа и сверхъ того въ горѣ“.

9-го іюня 1827 года Мицкевичь писалъ Ковалевскому въ Казань изъ Москвы:

„Любезный Іосифъ!

„Ничего не пишешь о своемъ переводѣ Геродота, ни объ исторіи Казани; извѣсти, какъ идетъ работа, хотя, правду сказать, я не слишкомъ желалъ бы, чтобы ты прилѣпился къ книгамъ, какъ гусеница къ капустѣ. Мы иначе здѣсь распоряжаемся временемъ; я напримѣръ, скажу по секрету, до того разлѣнился, что начинаю чувствовать угрызеніе совѣсти,—но сейчасъ же найдутся мотивы для оправданія. Въ Львовѣ кто-то издалъ мои сонеты и пустилъ дешевле въ продажу, и этимъ сдѣлалъ мнѣ большой подрывъ. Нужно что либо написать и напечатать, чтобы было чѣмъ платить Ванькамъ за дрожки и разносчикамъ за клубнику“.

Приведемъ еще одно письмо Мицкевича, отъ 3 апрѣля 1828 г., въ Оренбургъ:

„Ты вѣроятно знаешь, что я былъ въ Петербургѣ. Слава, разросшаяся обо мнѣ въ Москвѣ, была причиною, что меня вездѣ хорошо принимали. Земляки, проживающіе и пріѣхавшіе въ Петербургъ, устроили великолѣпный сочельникъ; импровизаціи и пѣсни напомнили мнѣ лѣта моей юности. Затѣмъ начались ежедневныя приглашенія въ разныя мѣста и время прошло очень пріятно. Познакомился въ столицѣ съ русскими литераторами: Жуковскимъ, Козловымъ и пр. и нѣкоторые изъ нихъ дали доказательства своего искренняго ко мнѣ расположенія; въ головѣ ходятъ разнаго рода предположенія и планы: иногда Кавказъ, иногда Крымъ, иногда Оренбургъ меня прельщаютъ, подчасъ мечтаю объ Италіи. Жизнь моя идетъ однообразно и почти, могу сказать, счастливо,—такъ счастливо, что начинаю бояться, что завистливая Немезида готовитъ мнѣ какія

нибудь новыя несчастія. Спокойствіе, свобода мысли, иногда пріятное развлеченіе, сопровождаютъ жизнь мою; не испытываю никакихъ сильныхъ потрясеній. Надѣюсь, что лѣтомъ явится болѣе охоты къ труду, ибо теперь я довольно много лѣнюсь, хотя много читаю, а еще болѣе думаю. День проходитъ однообразно: утромъ читаю, иногда вечеромъ, но рѣдко; пишу; во второмъ или третьемъ часу обѣдаю, или отправляюсь на обѣдъ, вечеромъ ѣду въ концертъ или на какое нибудь другое развлеченіе, и домой возвращаюсь поздно. Нѣкоторыя дамы учатся у меня по польски; нужно замѣтить, что здѣсь многіе начинаютъ учиться Польскому языку. Попечитель предполагаетъ открыть каѳедру Польской литературы при университетѣ; я могъ бы получить это мѣсто, но такъ какъ не остаюсь въ Москвѣ, то и не хлопочу объ этомъ. Во время моего здѣсь пребыванія характеръ мой выровнялся и я совершенно успокоился. Александръ Ходзько при свиданіи со мною очень удивился мнѣ, похвалялъ мое постоянное хорошее настроеніе духа и умѣнье жить съ людьми, чего у меня прежде не было".

Благодаря содѣйствію друзей и въ особенности участію княгини Волконской, Мицкевичъ получилъ дозволеніе ѣхать за границу. „Онъ отправился на Западъ и благословеніемъ мы его проводили"—говоритъ Пушкинъ. Друзья почтили поэта прощальнымъ обѣдомъ и поднесли бокалъ, на которомъ вырѣзаны были имена литераторовъ, проживающихъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ которыми онъ дружески проводилъ время почти въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ. На провозглашенный прощальный тостъ Мицкевичъ отвѣчалъ рѣчью на Французскомъ языкѣ; содержаніе этой рѣчи неизвѣстно, но по словамъ присутствовавшихъ на обѣдѣ всѣ были тронуты до глубины души и самъ Мицкевичъ прослезился. Предъ самымъ отъѣздомъ на обѣдѣ, данномъ въ болѣе тѣсномъ кругу, заздравный тостъ пили изъ подареннаго Мицкевичу бокала. Обѣдъ былъ одушевленъ, но импровизировать что-либо Мицкевичъ отказался; онъ былъ такъ разсѣянъ, что вмѣсто пива выпилъ стаканъ мадеры и сталъ наливать себѣ другой; распорядитель обѣда замѣтилъ: „Не много-ли будетъ"? Тутъ только Мицкевичъ замѣтилъ ошибку. По этому поводу присутствующіе начали разсказывать различные анекдоты о поклонникахъ Бахуса, которыми была такъ богата старинная Польша. Мицкевичъ воодушевился и мастерски разсказывалъ анекдотъ за анекдотомъ.

Въ спутники Мицкевичу за границу предназначался Одынецъ. Съ этою цѣлью онъ прибылъ 1-го мая 1829 г. въ Петербургъ вмѣстѣ съ управляющимъ имѣніями графа Витгенштейна, женатаго на Стефаніи Радзивилъ. Путешественники остановились въ домѣ Витгенштейна; при входѣ въ швейцарскую они увидѣли спускающуюся по лѣстницѣ хозяйку дома въ бальномъ костюмѣ, женщину поразительной красоты. Одынецъ, человѣкъ молодой, съ поэтическимъ настроеніемъ, пораженъ

былъ ея красотою; черты княгини воскресили въ его воображеніи образъ Варвары Радзивилъ, такъ сильно нѣкогда плѣнившей сердце короля Сигизмунда Августа. Вѣроятно черты Стефаніи рисовались его воображенію, когда впослѣдствіи онъ сочинялъ свою поэму „Варвара Радзивилъ". Отдохнувъ немного въ квартирѣ спутника, Одынецъ поспѣшилъ къ Мицкевичу на Большую Мѣщанскую, но не засталъ его дома. Слуга поэта, по имени Никифоръ, принялъ гостя и напоилъ его чаемъ. На письменномъ столѣ Мицкевича, среди письменныхъ принадлежностей и вещей, лежало кресиво виленскаго издѣлія, подаренное ему Одынцомъ въ день разлуки въ Вильно; утомленный поѣздкою гость прилегъ на кровать хозяина и крѣпко заснулъ. Слова Никифора: „какой-то баринъ къ вамъ пріѣхалъ" — разбудили спавшаго. Мицкевичъ, сопровождаемый слугою со свѣчою въ рукѣ, склонился къ лицу гостя и осыпалъ его поцѣлуями. Прошло $4^1/_2$ года съ тѣхъ поръ, какъ друзья разстались. Мицкевичъ имѣлъ видъ веселый и здоровый; взоръ нѣкогда тусклый и унылый горѣлъ и блестѣлъ, какъ алмазъ въ перстнѣ; бесѣда продолжалась цѣлую ночь и только при восходѣ солнца друзья уснули. Утромъ явились Малевскій, Александръ Ходзько. Всѣ усѣлись пить чай и закурили сигары.

Первый домъ, куда ввелъ Мицкевичъ своего гостя, былъ домъ Шимановской, о которой выразился Гете: „elle est charmante comme elle est belle, et gracieuse autant que charmante". Шимановская, пишетъ князь Вяземскій, была въ свое время европейская извѣстность, объ ея артистическомъ путешествіи засвидѣтельствовали газеты французскія, нѣмецкія, англійскія. Государь, указомъ 1822 года, даровалъ ей титулъ піанистки ихъ императорскихъ величествъ. Шимановская, совершивъ путешествіе за границею, дала нѣсколько концертовъ въ Москвѣ и затѣмъ основала свое пребываніе въ Петербургѣ. Въ ея альбомѣ встрѣчаемъ собственноручныя строки Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Крылова, Гнѣдича, партизана Денисъ-Давыдова и Растопчина, затѣмъ стихи Гете, написанные рукою великаго поэта, имена Гумбольдта, Шатобріана и другихъ. Томасъ Муръ внесъ въ альбомъ стихи Байрона, которые были обращены къ Муру и нигдѣ не были напечатаны. Графъ Растопчинъ съѣхался съ Шимановскою на водахъ и когда сестра послѣдней Воловская съ грустью высказалась предъ графомъ, что вопреки лѣтамъ своимъ и здоровью, она постепенно приближается къ смерти, написалъ отъ лица ея духовное завѣщаніе. Эта весьма острая шутка написана прекраснымъ Французскимъ языкомъ, такъ что одинъ изъ французскихъ литераторовъ удивлялся, что графъ, обнаружившій 1812 г. ненависть ко всему французскому, такъ прекрасно владѣетъ Французскимъ языкомъ.

Семейство Шимановской состояло изъ хозяйки дома, ея сестры Воловской, женщины весьма красивой и образованной, но лишившейся зрѣнія, и двухъ дочерей: Целины, съ глазами и цвѣтомъ лица жителей юга, и Елены, не столь красивой, но живой, ловкой, съ острымъ

умомъ и чертами, выражающими доброту и привѣтливость. Нужно замѣтить, что на пути въ Петербургъ Одынецъ встрѣтился въ Минскѣ съ графомъ Camillo Gritti—итальянцемъ, возвращающимся на родину. Его, какъ иностранца, незнающаго мѣстнаго языка и курса денегъ, на всякомъ шагу обманывали и обсчитывали. Одынецъ принялъ въ немъ участіе, предложилъ продолжать путь вмѣстѣ, велъ расходы и разсчитывался на станціяхъ. Эта любезность расположила итальянца въ пользу спутника. Графъ разсказывалъ многое о заграничной жизни и между прочимъ о своемъ знакомствѣ съ Шимановской и ея успѣхахъ какъ артистки въ Миланѣ и Венеціи. Мицкевичъ, выслушавъ этотъ разсказъ, задумалъ сдѣлать мистификацію: онъ извѣстилъ немедленно Шимановскую, что сегодня же утромъ представитъ ей рекомендованнаго ему прибывшаго изъ Венеціи испанца Don Alonzo Trucillo y Astrogus y Bubontes, который желаетъ лично передать пьянисткѣ поклонъ отъ графа Gritti.

Малевскій, непосвященный въ заговоръ, отправляясь на службу, завернулъ къ Шимановской, подъ предлогомъ извѣстить о пріѣздѣ Одынца, а на самомъ дѣлѣ, чтобы взглянуть на прекрасные глаза панны Елены. Шимановская, получивъ съ одной стороны извѣстіе о пріѣздѣ Одынца, съ другой о визитѣ испанца, сейчасъ сообразила, что съ нею затѣяли съиграть qui pro quo и рѣшилась съ своей стороны мистифицировать поэта. Между тѣмъ Мицкевичъ упражнялъ пріятеля въ произношеніи французскихъ словъ на манеръ испанскій, завязалъ ему галстухъ, какъ выражался, на манеръ европейскій, вмѣсто виленскаго, и около 12-ти часовъ отправился съ мнимымъ испанцемъ съ визитомъ.

Хозяйка встрѣтила мнимаго испанца какъ знаменитаго гранда, внимательно выслушала его разсказъ о графѣ Gritti и ловко свела разговоръ на Варшаву, стала разспрашивать объ Одынцѣ, восхваляя его какъ человѣка и поэта, и вдругъ заговорила по польски. Раздался всеобщій хохотъ и завязался весьма оживленный разговоръ. Когда Мицкевичъ, усѣвшись съ дамами въ гостинной, велъ серьезную бесѣду, Одынецъ, Ходзько и барышни отправились въ залъ и стали играть въ мячикъ; неосторожно брошенный мячикъ попалъ въ окошко, разбилъ стекло и вылетѣлъ на улицу; панна Елена захлопала въ ладоши, Целина засмѣялась, но сконфузилась и притихла. На звукъ разбитаго стекла вбѣжала мать и стала упрекать дочерей за шалости. Цѣлина стояла, потупивъ глаза, Елена покраснѣла до ушей. Одынецъ и Ходзько, считая себя главными виновниками этого происшествія, въ наказаніе за школьныя шалости, подчинились обычному школьному наказанію — стали на колѣни.

Хозяйка дома разсмѣялась, дочери ободрились, Целина цѣловала у матери руки, Елена повисла у нея на шеѣ. Мицкевичъ дѣлалъ провинившимся укорительные жесты. Съ этой минуты другъ Мицкевича сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ домѣ Шимановской.

8-го мая Мицкевичь представилъ своего пріятеля Козлову, слѣпцу-поэту, которому Мицкевичь посвятилъ свое стихотвореніе „Фарисъ.“—Подъ этимъ именемъ извѣстны у арабовъ всадники, пользующіеся среди ихъ такимъ же почетомъ, какъ средневѣковые рыцари въ Западной Европѣ. Здѣсь будетъ кстати разсказать, какъ явилось это произведеніе. Мицкевичь въ Веймарѣ встрѣтился со скульпторомъ Давидомъ, который пожелалъ познакомиться съ какимъ нибудь сочиненіемъ поэта. Мицкевичь взялъ „Фариса“ и сталъ переводить его на Французскій языкъ бѣгло, живо и картинно. Давидъ, какъ художникъ, заинтересовался узнать обстоятельства, послужившія поводомъ къ появленію „Фариса.“ Мицкевичь исполнилъ его просьбу.

— Я читалъ, сказалъ онъ,—и даже перевелъ отрывки изъ арабской поэзіи, руководствуясь французскимъ переводомъ; разъ въ Петербургѣ былъ я на званомъ очень одушевленномъ обѣдѣ; уходя послѣ обѣда, вижу, что на горизонтѣ повисла громовая туча, беру извозчика и скачу во всю прыть; мимо меня несутся быстро экипажи; эта быстрая ѣзда, шумъ колесъ, свистъ вѣтра, раскаты грома, стремленіе спастись отъ несшейся по небу тучи, побудили меня написать „Фариса“. Ночью стихи были уже готовы“.

Козловъ принялъ очень радушно гостей и началась бесѣда о Байронѣ. Козловъ читалъ наизусть цѣлые эпизоды изъ Байрона по англійски и отрывки своего перевода Абидосской невѣсты. „Козловъ, замѣчаетъ Одынецъ, человѣкъ весьма разумный, прямой, чистосердечный и большой почитатель Мицкевича“. Онъ говорилъ о немъ съ такимъ увлеченіемъ, что Одынецъ бросился цѣловать слѣпца-поэта, который тоже въ свою очередь прослезился. Мицкевичь стоялъ въ сторонѣ и хранилъ глубокое молчаніе, но видимо былъ сильно взволнованъ. Козловъ окончилъ разговоръ о Мицкевичѣ слѣдующими многозначительными словами: „Vous nous l'avez donné fort et nous vous le rendons puissant“.

10-го мая Мицкевичь ввелъ своего товарища въ домъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова. Пріемъ у министра былъ ежедневный, но по воскресеньямъ собирался болѣе тѣсный кружокъ. Старикъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный академиками и учеными, велъ ученую бесѣду о корнесловахъ и другихъ серьезныхъ матеріяхъ; въ остальныхъ же комнатахъ шла оживленная бесѣда, прерываемая музыкою и пѣніемъ. Въ это воскресенье Целина и Елена Шимановскія спѣли нѣсколько дуэтовъ и романсовъ и между прочимъ изъ поэмы Мицкевича „Конрадъ Валенродъ“; затѣмъ началась игра на фортепіано и пѣніе другихъ артистовъ; но Одынецъ примкнулъ къ барышнямъ и велъ пріятный разговоръ, позабывъ, что изъ приличія ему слѣдуетъ слушать болѣе внимательно пѣніе и музыку. Мицкевичь тотчасъ замѣтилъ эту неловкость товарища, подошелъ къ нему и сдѣлалъ выговоръ. „Нельзя же все слушать, и слушать, отвѣчалъ Одынецъ,— самъ же ты пишешь:

Но глазки сверкнули живѣе кристала,
Перловые зубки блестятъ средь коралла;
Теперь я смѣлѣе смотрю тебѣ въ очи,
Уста приближаю и слушать нѣтъ мочи,
Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать!...

Мицкевичъ, пригрозивъ другу, прибавилъ, что только присутствіе постороннихъ мѣшаетъ надрать ему уши; но панна Елена вступилась за собесѣдника и замѣтила поэту:—„Нельзя же за свои стихи и пожеланія наказывать другихъ“.

Къ числу близкихъ знакомыхъ Мицкевича въ Петербургѣ принадлежалъ живописецъ Іосифъ Олешкевичъ. При склонности Мицкевича къ мистицизму, Олешкевичъ, какъ глубокій мистикъ, имѣлъ на поэта вліяніе. Мицкевичъ воспѣлъ Олешкевича въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, представивъ, какъ онъ среди глубокой ночи, съ фонаремъ въ рукѣ спускается къ Невѣ, измѣряетъ прибыль воды посредствомъ веревки съ навязанными узлами и предсказываетъ несчастіе, грозившее Петербургу отъ наводненія; утверждали, что это предсказаніе высказано было Олешкевичемъ наканунѣ 7-го ноября 1824 года.

Олешкевичъ былъ уроженецъ Литвы, долго жилъ въ Петербургѣ, пользовался заслуженною извѣстностью хорошаго художника, честнаго и религіознаго человѣка. Онъ былъ мистикъ въ полномъ значеніи этого слова. Во всѣхъ явленіяхъ жизни Олешкевичъ видѣлъ перстъ Божій, вѣрилъ въ міръ духовъ, невидимо вліяющихъ на дѣла и поступки людей. Постоянное чтеніе Библіи и Новаго Завѣта, углубленіе во внутренній міръ и міръ духовъ развили въ немъ самосозерцаніе, любовь не только къ людямъ, но и къ животнымъ, растеніямъ, любовь къ Богу и къ прославленію имени Его словомъ и дѣломъ.

По образу жизни, міровоззрѣнію и даже по наружности Олешкевичъ рѣзко отличался отъ людей его окружавшихъ. Это былъ человѣкъ весьма высокаго роста, очень сильный, съ чертами, выражавшими спокойствіе, благодушіе и благородство; его эксцентрическія выходки служили предметомъ многихъ анекдотовъ и насмѣшекъ. Олешкевичъ зналъ объ этомъ и выслушивалъ всѣ анекдоты о себѣ съ удивительнымъ равнодушіемъ. Люди менѣе положительные видѣли въ Олешкевичѣ другаго Сведенберга, одареннаго даромъ пророчества и приводили множество примѣровъ его предсказаній, но самъ Олешкевичъ держалъ себя очень сдержанно въ этомъ отношеніи и уклонялся отъ подобнаго рода бесѣдъ.

Олешкевичъ считалъ грѣхомъ посягать на жизнь насѣкомыхъ и животныхъ и потому не употреблялъ въ пищу никакого мяса и доказывалъ, что съ употребленіемъ животной пищи въ человѣкѣ стали проявляться самые грубые инстинкты; возникли убійства, охота и войны. Чтобы избавиться отъ назойливости мухъ, онъ придумалъ слѣдующее средство: напитавъ оберточную бумагу пивомъ, разстилалъ листы на всѣхъ возможныхъ мѣстахъ; мухи, напитавшись до сыта

пивомъ, приходили въ опьяненіе и сидѣли спокойно. Изъ животныхъ особенно любилъ Олешкевичъ кошекъ; для нихъ отведена была особая комната и содержалась особая прислуга. На пропитаніе кошекъ Олешкевичъ издерживалъ болѣе, нежели на собственный столъ, особенно тщательный уходъ былъ за старыми кошками и маленькими котятами. Молодыхъ котятъ онъ отдавалъ только въ хорошія руки, выдавая въ приданое каждой кошкѣ по 5 р., а котенку по 10 р., съ тѣмъ условіемъ, чтобы ихъ содержали хорошо. Заручившись адресомъ получателя котенка, Олешкевичъ иногда провѣдывалъ своихъ пансіонеровъ. Разъ Мицкевичъ встрѣтилъ Олешкевича въ отдаленной части города, отыскивающаго несуществующаго на улицѣ номера дома. Мицкевичъ замѣтилъ, что навѣрно его надули, кота забросили, деньги припрятали и дали ложный адресъ; такое мнѣніе Мицкевича о людяхъ сильно разсердило Олешкевича; онъ съ нимъ разстался не простившись, и только тогда примирился, когда Мицкевичъ отказался отъ своего мнѣнія.

При представленіи Олешкевичу Одынца, послѣдній замѣтилъ, что онъ уже знаетъ его изъ разсказовъ Мицкевича. Олешкевичъ отвѣчалъ на это съ улыбкою:

— Но вѣрно онъ разсказывалъ обо мнѣ разные анекдоты и потѣшался надъ моими причудами. Онъ, да и другіе, любятъ погулять на мой счетъ, но это ничего не значитъ, мы увѣрены, что взаимно любимъ другъ друга.

— Мы оправдываемъ пословицу: „милые бранятся, только тѣшатся—kto się kocha, ten sie kloci", замѣтилъ Мицкевичъ.

Олешкевичъ замахалъ руками и, покачавъ головою, сказалъ:

— Ты думаешь, что ты очень разумный человѣкъ и что нѣтъ выше свѣта, какъ свѣтъ отъ разума, но подождемъ немного и увидимъ. Будетъ такъ, какъ Богу угодно. Ты какъ Іаковъ, отказываешься отъ наитія духа,—но тщетно; онъ сосудъ избираемый, теперь или послѣ, но благодать Господня почіетъ на немъ, а чрезъ него изыдетъ на многихъ.

Мицкевичъ улыбнулся и привелъ народное изреченіе: ни читать, ни писать не умѣю, а въ короли меня избираютъ.

Олешкевичъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Сладь тутъ съ людьми: — прививай побѣгъ къ дубу, онъ не принимаетъ, — слишкомъ крѣпокъ и твердъ; къ капустѣ — она расползается.

Затѣмъ зашла рѣчь о склонности людей осуждать другихъ. Олешкевичъ утверждалъ, что нужно отличать осужденіе отъ желанія высказать свои впечатлѣнія о данномъ лицѣ.—„Строго говоря, сказалъ постепенно увлекаясь Олешкевичъ, мы не имѣемъ никакого права осуждать людей, нашихъ ближнихъ; всѣ наши осужденія другихъ проистекаютъ не изъ стремленія открыть истину въ назиданіе себѣ и другимъ, а вслѣдствіе отсутствія у насъ христіанской любви къ ближ-

нему. Во истинну говорю, если мы кого любимъ искренно, то мы не замѣчаемъ въ немъ недостатковъ, а если и замѣтимъ, то скорѣе станемъ о немъ сожалѣть, нежели осуждать. Охотно теперь осуждаютъ другихъ потому, что мало кто кого любитъ."

Олешкевичь умеръ въ 1830 г. Вѣсть о смерти его достигла до Мицкевича въ бытность его въ Женевѣ. Однажды Одынецъ, возвратившись съ прогулки, засталъ Мицкевича сильно взволнованнымъ; онъ держалъ письмо въ рукѣ. На вопросъ о причинѣ волненія, Мицкевичь всталъ, отдалъ письмо и едва могъ выговорить сквозь слезы: „Олешкевичь!" и не окончивъ фразы ушелъ въ другую комнату. На слѣдующій день онъ отправился въ церковь отслужить панихиду и заупокойную обѣдню. Съ тѣхъ поръ Мицкевичь никогда не позволялъ себѣ говорить о причудахъ покойнаго и всегда отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ съ высокими добродѣтелями и истинномъ христіанинѣ.

Съ 1805 года жилъ въ Петербургѣ уроженецъ Волынской губерніи, адвокатъ по профессіи, нѣкто Каспаръ Жильветра. Всѣ помѣщики западныхъ губерній, имѣвшіе дѣла въ столицѣ, поручали ихъ Жильветру; деньги и все, что было лучшаго въ кладовыхъ польскихъ пановъ, шло къ адвокату, любившему поѣсть, выпить и угостить пріятелей и знакомыхъ. Обѣды были частые и гастрономическіе. На этихъ, по выраженію Одынца, Лукулловскихъ пирахъ собиралось весьма разнообразное и большое общество. Самъ хозяинъ дома, какъ адвокатъ, обладалъ даромъ слова и памятью, жилъ давно въ Петербургѣ, имѣлъ обширное знакомство, много видѣлъ и слышалъ, обладалъ богатымъ запасомъ анекдотовъ и разнообразныхъ свѣдѣній, и умѣлъ ихъ разсказывать. Мицкевичь любилъ бывать на этихъ обѣдахъ, съ удовольствіемъ слушалъ разсказы хозяина, человѣка умнаго, практическаго, сочувствовавшаго наукѣ и искусству. Мицкевичь самъ нерѣдко принималъ участіе въ бесѣдахъ и собралъ здѣсь массу матеріаловъ, которые послѣ вошли въ эпическую поэму его „Панъ Тадеушъ". Жильветра, проѣзжая разъ по Волынской губерніи, замѣтилъ на почтовой станціи статуэтку доморощенной работы, но съ признаками таланта. Оказалось, что это дѣло рукъ мальчика, самоучки Виктора Бродзскаго; Жильветра привезъ его въ Петербургъ, опредѣлилъ въ Академію Художествъ и изъ Бродзскаго вышелъ талантливый художникъ.

Въ числѣ лицъ, постоянно посѣщавшихъ обѣды Жильветра, былъ живописецъ Орловскій. Это былъ человѣкъ громаднаго роста; его движенія и взоръ были также выразительны и смѣлы, какъ его кисть; но Орловскій относился небрежно къ своимъ работамъ и своему костюму. Хотя за его произведенія предлагали хорошія деньги, но Орловскій просто изъ лѣни не любилъ обязательнаго труда и рѣдко принимался за кисть; находясь же въ расположеніи духа, онъ готовъ былъ безъ устали работать на каждомъ клочкѣ попавшейся подъ руки

бумаги; въ эти минуты изъ рукъ его выходили самые разнообразные художественные очерки. На одномъ изъ обѣдовъ у Жильветра Орловскій былъ въ хорошемъ настроеніи, его языкъ и рука были въ постоянномъ движеніи. Онъ предложилъ двумъ изъ окружавшихъ его знакомыхъ поставить на бумагѣ по пяти точекъ въ произвольномъ одна отъ другой разстояніи. Чрезъ четверть часа на одномъ листѣ между пятью точками явился орелъ съ выпущенными когтями и распущенными крыльями, на другомъ казакъ съ торбаномъ въ рукахъ, ухарски отплясывающій свой національный танецъ; затѣмъ Орловскій собственноручно поставилъ на бумагѣ кляксъ и въ одинъ мигъ изъ клякса явился жидъ въ лисьей шапкѣ съ весьма характеристическими національными чертами. Всякій разъ, когда Орловскій былъ въ хорошемъ расположеніи духа, то набрасывалъ художественные эскизы, изъ которыхъ потомъ Жильветра составилъ прекрасный, разнообразный альбомъ. По свидѣтельству Одынца, Мицкевичъ писалъ въ то время на Французскомъ языкѣ въ прозѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Исторія временъ грядущихъ!“ Около тридцати листовъ уже было приготовлено къ печати. Эпизоды этой исторіи были изложены по образу рѣчей Тита Ливія; въ нихъ излагались неизбѣжныя послѣдствія современнаго положительнаго направленія умовъ. Цивилизація обществъ подъ вліяніемъ разума достигнетъ современемъ громадныхъ результатовъ, но вмѣстѣ съ достиженіемъ матеріальнаго благосостоянія, вмѣстѣ съ успѣхами раціонализма разовьется узкій эгоизмъ, разсчетъ, корыстолюбіе, жажда къ наживѣ, которыя убьютъ религію, вѣру, воодушевленіе и любовь ко всему вообще и въ томъ числѣ къ человѣчеству; но все это сдѣлается по преимуществу съ мужчинами; въ женщинѣ же, напротивъ, сохранится духъ вѣры, воодушевленіе, сочувствіе къ преданіямъ, любовь ко всему идеальному; она будетъ уравнена въ правахъ съ мужчиною въ быту семейномъ и общественномъ. Женщины при рѣшеніи общественныхъ дѣлъ составятъ нижній парламентъ, который явится оппозиціей верхнему, состоящему изъ однимъ мужчинъ. Въ парламентѣ идетъ борьба партій за принципы. Затѣмъ послѣ очерка состоянія міра вообще и Европы въ частности, передъ глазами читателя рисуется сеймъ въ виду угрожающей Европѣ войны со стороны азіатскихъ народовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Китай. Война объявлена; Европа торжествуетъ надъ Азіею, благодаря побѣдѣ, одержанной одними женщинами при участіи двадцатилѣтнихъ юношей подъ начальствомъ женщины съ береговъ Вислы. Повѣсть относится къ началу 2,000 года нашей эры.

„Излагать все содержаніе этого сочиненія, пишетъ Одынецъ, я не стану, потому что не скоро пришлось-бы окончить письмо, скажу только, что во всемъ написанномъ такъ много поэзіи, фантазіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ истины, изложенной просто, наглядно, что желаешь вѣрить всему, какъ несомнѣнной дѣйствительности. Поражаешься картиною будущихъ открытій и изобрѣтеній. Настанетъ время, когда

обитатели земнаго шара достигнутъ другихъ планетъ на воздушныхъ шарахъ, которые съ помощію придѣланныхъ крыльевъ понесутся въ атмосферѣ, какъ корабли по океану; желѣзныя дороги, которыя теперь проводятся только въ Америкѣ и Англіи, изрѣжутъ весь земной шаръ и окажутъ громадное вліяніе на судьбу человѣчества. Подвижные дома и магазины, сдѣланные изъ металловъ, понесутся на колесахъ со всѣхъ концовъ міра на всемірную ярмарку въ Лиссабонъ; на корабляхъ прибудутъ произведенія съ островов океана и съ западнаго полушарія. На двухъ концахъ отдаленной мѣстности будутъ уставлены зеркала, въ которыхъ обрисуются слова огненными буквами; телескопы достигнутъ такого совершенства, что съ воздушнаго шара можно будетъ осмотрѣть весь земной шаръ, а съ земли свободно обозрѣвать отдаленныя созвѣздія и планеты; посредствомъ акустическихъ машинъ можно будетъ, сидя покойно у камина въ своемъ кабинетѣ, слышать концерты артистовъ и лекціи ученыхъ профессоровъ, читанныя въ отдаленныхъ углахъ земнаго шара“.

Сочиненіе это къ сожалѣнію не явилось въ печати. Въ концѣ мая 1829 г. Мицкевичь долженъ былъ оставить Петербургъ и съѣхаться въ Дрезденѣ съ своимъ пріятелемъ, такъ какъ послѣднему нужно было побывать на родинѣ. Наканунѣ отъѣзда пріятели вмѣстѣ съ семействомъ Шимановской рѣшились побывать въ театрѣ. Съ этою цѣлью оба друга явились въ домъ Шимановской, но тотчасъ замѣтили, что панна Целина находится въ грустномъ настроеніи; ея губки, сжавшись какъ двѣ коралловыя вѣтки, не оживились улыбкою при входѣ гостей; а живая краска на лицѣ свидѣтельствовала о сильномъ волненіи; грустное настроеніе рисовалось тоже на челѣ панны Елены и матери. Всѣ усилія развеселить общество остались тщетны. Мицкевичь усѣлся около хозяйки, а пріятель около дочерей. Едва только заговорили о театрѣ, какъ Целина заявила рѣшительно, что она нездорова и въ театръ не поѣдетъ; всѣ просьбы и убѣжденія не имѣли успѣха; панна Целина отвѣчала: „двадцатый разъ говорю, не поѣду, и не поѣду, я нездорова“.

Мицкевичь быстро всталъ съ дивана, наморщилъ лобъ, подошелъ къ Целинѣ и сказалъ суровымъ тономъ:

— Лучше не ѣхать, нежели продолжать капризничать.

— Я и не поѣду, — отвѣчала Целина рѣзко и рѣшительно.

За исключеніемъ Целины, всѣ отправились въ театръ. Одынецъ еще разъ вернулся въ комнаты въ надеждѣ уговорить панну Целину ѣхать съ ними. Онъ увидѣлъ ее, сидѣвшую склоня голову на руки и рыдающую какъ ребенокъ; при появленіи Одынца она быстро встала съ мѣста и удалилась. Въ театрѣ всѣ были скучны. Мицкевичь старался скрыть свое грустное настроеніе, пробовалъ развлечь общество, но все не удавалось и не складывалось.

Около 12 часовъ ночи Мицкевичь вернулся домой и нашелъ, что вездѣ зажжены свѣчи и пріятели укладываютъ его вещи. Нужно было

спѣшить, потому что произошла перемѣна во времени отправленія парохода и пассажиры должны были явиться къ восьми часамъ утра. Немедленно извѣщена была объ этомъ Шимановская и остальные близкіе пріятели. Всѣ собрались на набережную Невы, среди которой стоялъ на якорѣ пароходъ. Около 8 часовъ Мицкевичъ сѣлъ на яликъ, который повезъ его къ пароходу. Вскорѣ пароходъ тронулся; Мицкевичъ стоялъ на палубѣ, обнаживъ голову и махалъ платкомъ въ знакъ прощанія. Солнце озаряло его фигуру, одѣтую въ плащъ мѣдно-краснаго цвѣта.

Всѣ стояли молча, въ слезахъ, пока пароходъ не скрылся изъ виду.

Спустя нѣсколько часовъ Одынецъ пришелъ къ Шимановскимъ и нашелъ ихъ въ слезахъ. Тяжелая грусть особенно отпечатлѣвалась на лицѣ панны Целины и когда мать сказала ей: „нѣтъ уже между нами человѣка, который всегда говорилъ тебѣ правду", Целина зарыдала и убѣжала изъ комнаты. Впослѣдствіи, когда друзья съѣхались въ Карлсбадѣ, вотъ что разсказывалъ Мицкевичъ о послѣднихъ минутахъ своего выѣзда изъ Петербурга.

„Невыразимо тяжелое чувство сжало мое сердце, когда вы всѣ скрылись изъ глазъ моихъ. Это была совершенно другаго рода грусть, нежели та, которую я испыталъ оставляя Вильно. Мужество, которое меня поддерживало въ тѣ минуты, теперь окончательно меня оставило. Я выплылъ въ море, мнѣ хотѣлось опредѣлить свое положеніе, подвести итогъ прожитаго; я чувствовалъ, что вступаю въ новую эпоху жизни и вдругъ подвернулся на глаза мой чемоданъ; я рѣшился выбросить его въ море и непремѣнно исполнилъ бы это, если-бы не воспротивился этому капитанъ парохода, на основаніи существующихъ постановленій".

И такъ Мицкевичъ оставилъ Россію, въ которой нашелъ искреннихъ друзей, душевное спокойствіе и, по собственному сознанію, счастіе; оставилъ свою родину — Литву, всю прелесть которой, какъ прелесть здоровья, по словамъ первой пѣсни поэмы „Панъ Тадеушъ" можетъ вполнѣ постигнуть и оцѣнить лишь тотъ, кто навсегда ихъ лишился. Тяжелая грусть томила поэта, по его собственному сознанію, когда онъ выплылъ въ море; онъ чувствовалъ, что для него начинается новый періодъ жизни. Минута была важная, можно сказать роковая, не только для поэта, но и для цѣлаго поколѣнія поляковъ. Куда устремитъ поэтъ свои помыслы, какія станетъ создавать идеалы, на какую ноту настроитъ свою лиру, оставивъ родину и связавъ свою судьбу съ судьбою эмигрантовъ? всѣ эти вопросы оставались открытыми. Всѣ предположенія о томъ, какое направленіе приняли бы произведенія Мицкевича, еслибы онъ оставался въ Россіи, останутся одними лишь предположеніями, но несомнѣнно и положительно извѣстно, что Мицкевичъ былъ уже недоволенъ своею поэмою „Конрадъ Валенродъ" не въ частяхъ, а всѣмъ планомъ и содержаніемъ. Серьез-

ные польскіе критики, какъ Мохнацкій и Грабовскій, находили, что поэма въ своемъ основаніи не имѣетъ исторической истины, а въ частяхъ — единства; по словамъ критиковъ, въ концѣ поэмы герой ея гросъ-мейстеръ ордена, рыцарь-монахъ, закаленный въ бояхъ, является влюбленнымъ и сантиментальнымъ юношею. Увѣряютъ, что Погодинъ выражалъ Мицкевичу свое удивленіе, что онъ измѣну обратилъ въ апоѳеозъ добродѣтели. Безспорно, что поэма, лишенная историческаго основанія, задуманная въ Одессѣ, въ минуты еще душевныхъ волненій поэта, находившагося подъ вліяніемъ идей тайнаго общества и судебнаго слѣдствія, имѣетъ характеръ вполнѣ тенденціозный; не даромъ Новосильцевъ старался обратить на нее вниманіе властей, не даромъ самъ поэтъ, какъ великій художникъ и мыслитель, въ минуты болѣе спокойной и счастливой жизни, былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ.

Изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ Мицкевичь сдѣлался мистикомъ, не входитъ въ программу настоящей статьи: скажу только, что Мицкевичь отъ природы былъ склоненъ къ мистицизму, а обстоятельства заграничной жизни окончательно содѣйствовали развитію въ немъ мистическаго настроенія. Уже въ Петербургѣ мистикъ Олешкевичь имѣлъ на него вліяніе и не даромъ называлъ его „избраннымъ сосудомъ, на который рано или поздно сойдетъ благодать Господня, а чрезъ него на многихъ“.

Предсказанія Олешкевича сбылись; міръ дѣйствительно увидѣлъ мистическія произведенія Мицкевича, но онъ лишился лучшихъ произведеній, которыя уже зарождались въ душѣ поэта. Носились не безъ основанія слухи, что вскорѣ появятся въ свѣтъ поэмы: „Янъ Жижка“, „Тростновскій“, „Владиславъ III“ — эти борцы за славянское дѣло. Положительно извѣстно, что Мицкевичь задумывалъ въ произведеніи „Панъ Твардовскій“ выставить міровоззрѣніе славянъ въ противоположность міровоззрѣнію германскихъ народовъ, создавшихъ легендарную личность Фауста, сдѣлавшагося предметомъ трагедіи Гете. Все это было такъ близко, такъ возможно и — все исчезло въ туманахъ мистицизма, охватившаго великій умъ поэта.

Уѣзжая изъ Россіи, Мицкевичь уносилъ въ сердцѣ своемъ зародышъ еще одного чувства, которое врѣзалось въ его сердце, какъ воспоминаніе о жизни въ Петербургѣ. Здѣсь Мицкевичь познакомился съ Целиною Шимановскою — своею суженою, сдѣлавшеюся впослѣдствіи его женою. Зародышъ этого чувства ясно обнаружился въ день разлуки Мицкевича съ Целиною; между ними наканунѣ разлуки произошла сцена, о которой мы говорили выше — это былъ гнѣвъ сквозь слезы, какъ несомнѣнный признакъ взаимнаго влеченія и любви; но въ это время поэтъ носилъ еще въ душѣ образъ Маріи, который ревниво слѣдилъ за всѣми его сердечными склонностями и не давалъ мѣста другой женщинѣ въ его сердцѣ. Напрасно нѣкто Ципринусъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Мицкевичѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1872 г.)

навязываетъ ему склонность къ дочери неизвѣстнаго сенатора и влагаетъ въ уста поэта чуждыя ему слова и мысли. Мицкевичъ не любилъ открывать въ этихъ случаяхъ своей души никому, даже самому близкому человѣку, какъ Одынецъ. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ основаніе усомниться въ справедливости словъ Ципринуса, что его разсказъ о появленіи „Фариса" противорѣчитъ разсказу самого Мицкевича; что же касается разсказа Ципринуса о первой встрѣчѣ Мицкевича съ Пушкинымъ, то это чистѣйшая выдумка.

Не только живя въ Петербургѣ, но находясь заграницею, Мицкевичъ долго носилъ въ своемъ сердцѣ образъ Маріи. Одынецъ побывалъ въ Литвѣ, съѣхался съ Мицкевичемъ въ Карлсбадѣ. Долго гуляли они за городомъ въ уединеніи. Мицкевичъ разспрашивалъ обо всемъ, что дѣлается на родинѣ, интересовался всѣми мелочами изъ жизни знакомыхъ, разспрашивалъ о лошадяхъ, о любимыхъ собакахъ въ домѣ, только не проронилъ ни одного слова о своей Маріи, хотя пріятель зналъ ее и могъ видѣть въ день отъѣзда. Такъ глубоко скрывалъ свои чувства Мицкевичъ, такъ благоговѣйно относился онъ къ предмету любви; но онъ не забылъ ее и на вершинахъ Альпъ писалъ:

„Никогда и нигдѣ съ тобою разстаться я не въ силахъ, ты неразлучна со мною: плыву ли по морю, или странствую по сушѣ; на льдинахъ Альпійскихъ горъ виднѣются мнѣ слѣды твоей стопы, и въ шумѣ альпійскаго водопада слышится мнѣ твой голосъ; волосы подымаются дыбомъ, когда озираюсь кругомъ и ликъ твой видѣть боюсь и желаю. На вершинахъ горъ, касающихся облаковъ, при видѣ готовой меня поглотить бездны, весь облитый влагою повисшихъ надо мною тучъ, протираю глаза и ищу сѣверной звѣзды, Литвы, домика твоего и тебя".

Послѣ долгихъ и разнообразныхъ тревогъ и волненій, испытанныхъ поэтомъ заграницею, мало по малу стирались черты Маріи, и образъ Целины воскресъ въ его душѣ. Мицкевичъ пожелалъ ее видѣть. Целина прибыла въ Парижъ, и бракъ ихъ состоялся. Женщинѣ этой суждено было играть важную роль въ роковомъ переходѣ поэта къ мистицизму; она тяжело заболѣла и лишилась разсудка; явился мистикъ Товьянскій, будто бы чудомъ исцѣлилъ больную и съ этой минуты пріобрѣлъ неограниченное вліяніе на Мицкевича. Это обстоятельство и многія другія причины произвели, какъ извѣстно, переворотъ въ высокомъ умѣ поэта и навсегда затемнили его міровоззрѣніе.

Ф. Неслуховскій.

F
8506